

УДК [94:242-523.6:2-283](470)"18/20"

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА ПО ИСТОРИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ БЕЛОМОРСКИХ МОНАСТЫРЕЙ И КРЕСТЬЯНСКОГО МИРА НА РУБЕЖЕ XIX–XX В.

Харитоновна Яна Эдуардовна¹
Северный (Арктический) федеральный
университет имени М.В. Ломоносова
ФГБУ «Национальный парк
«Кенозерский»

Аннотация

Статья посвящена истории хозяйственных взаимоотношений православных монастырей, расположенных на побережье Белого моря, и крестьянского социума на рубеже XIX–XX в. Беломорские монастыри выделяются исследователями в общую группу благодаря их географическому положению и развитию по этой причине особых исторических закономерностей и видов деятельности. Исследование основано на документах, хранящихся в региональных архивах и включающих в себя делопроизводственную, хозяйственную, распорядительную документацию, а также устные исторические источники. Предпринята попытка рассмотреть особенности экономического влияния беломорских обитателей на исторически связанные с ними поморские поселения. Методологической основой исследования стала историко-антропологическая концепция. Ее проблемное поле способствует освещению процесса взаимодействия беломорских монастырей и крестьянского мира в исследуемый период для выяснения положительного обоюдного влияния и проблем, возникавших в ходе двусторонней деятельности. Методы критического и сравнительного анализа источников и источниковедческого синтеза позволили всесторонне проанализировать документальные источники. Новизна исследования обусловлена недостаточной изученностью вопроса экономического взаимодействия беломорских монастырей и поморских общин в исследуемый период. Совместные хозяйственные инициативы монастырей и крестьянского социума были полезны местному населению и способствовали разрешению некоторых вопросов социального-экономического характера. Поморы развивали промыслы, вызванные потребностью экономического хозяйствования обитателей – извозный, жемчужный, прядильный, отходнический. Итогом совместной деятельности становилось создание эффективно работавших структур с квалифицированными кадрами, которые играли роль социального стабилизатора и служили объединяющим компонентом экономических усилий Церкви в лице беломорских монастырей и государства в лице крестьянского «мира».

Ключевые слова

Православные монастыри, крестьянский социум, хозяйственная деятельность, экономическое влияние.

Научная специальность

07.00.02 – Отечественная история (исторические науки).

DOI:10.31806/2542-1158-2021-5-2-150-158.

¹

© Kharitonova Y.E., 2021. Corresponding author E-mail address: khyana@rambler.ru
© Northern Archives and Expeditions. All rights reserved.

DOCUMENTARY EVIDENCE OF HISTORY OF ECONOMIC RELATIONSHIPS BETWEEN THE WHITE SEA MONASTERIES AND PEASANT COMMUNITIES AT THE TURN OF THE 19TH/20TH CENTURY

Kharitonova Yana Eduardovna
Northern Arctic Federal University,
Kenozero National Park (Arkhangelsk, Russia)

Abstract

The article examines the history of economic relationships between Orthodox monasteries on the White Sea coast and peasant communities at the turn of the 19th/20th century. The White Sea monasteries are combined into a single group by researchers due to their geographic location and development of particular historical trends and activities as a result. The study is based on documents from regional archives related to records management, economic and administrative activities, as well as oral historical sources. The attempt is made to explore characteristics of the White Sea monasteries' economic impact on the Pomor settlements historically linked to them. The research methodology is based on the historical and anthropological concept. Its problematic field highlights the process of interaction between the White Sea monasteries and peasant communities over the period in question, facilitating the identification of positive mutual influence and problems arising in the course of bilateral activities. Critical and comparative analysis of sources as well as source studies synthesis are applied as methods to analyze documents in a comprehensive way. The research novelty is attributable to previous insufficient information about economic interaction between the White Sea monasteries and Pomor communities over the period in question. Joint economic activities of the monasteries and peasant communities were useful for local population and contributed to resolution to certain social and economic matters. The Pomors developed trades, demanded by the needs of monasteries' economic activity, such as carrier services, pearling, spinning, seasonal work. Joint activities led to the emerging of effective arrangements, qualified personnel, that served as a social stabilizer and united economic efforts of the Church as represented by the White Sea monasteries and the state as represented by peasant communities.

Keywords

Orthodox monasteries, peasant community, economic activity, economic impact.

Research area

07.00.02 - Domestic history (historical sciences).

Среди монастырей Русского Севера можно выделить в отдельную группу обители, располагавшиеся на прибрежных и островных землях Белого моря. Это северные мужские монастыри: островные — Соловецкий Спасо-Преображенский на островах Соловецкого архипелага и Онежский Крестный монастырь на острове Кий, и прибрежные — Николаевский Корельский в устье реки Северная Двина и Пертоминский Спасо-Преображенский монастырь на Летнем берегу Белого моря.

В общую группу историки выделяют данные монастыри благодаря их географическому положению и развитию по этой причине особых исторических закономерностей и видов деятельности (Abramovskij, Shaljapin, 2001). Обители выполняли административные и оборонительные функции на северных окраинах страны, служили цитаделями во время военных действий и распространяли сферу своего экономического и духовно-просветительского влияния на население близлежащих территорий.

В хозяйственную сферу деятельности беломорских монастырей входили поселения на берегах Белого моря. Эти земли исторически были связаны с обителями, которые издревле владели здесь рыбными тонями, варницами, усольями. Деревни на этих территориях поставляли постоянную и сезонную рабочую силу, к монастырям были приписаны местные церковные приходы.

Исследователи, изучавшие на протяжении долгого времени историю Русского Севера, освещали, в том числе, и различные аспекты жизни серных монастырей. Особое внимание привлекали вопросы землевладения и хозяйственной деятельности обителей. Однако большинство авторов освещали проблемы, относящиеся к более раннему периоду (Ključevskij, 1919; Savich, 1931).

Фрагментарно вопросов взаимного влияния монастырей и крестьянского социума в пореформенный период касался П.Н. Зырянов. Он указывал, что во второй половине XIX в. наблюдалась активизация экономических взаимоотношений монастырей и крестьянского мира, связанная с социальной и политической ситуацией и увеличивавшаяся в то время, когда «в деревне складывалась особо тяжелая обстановка» (Zyrjanov, 2002: 173).

Косвенные подтверждения хозяйственного влияния обителей на близлежащие территории содержатся в исследовании Г.Н. Мелеховой, изучавшей монастырские топонимы по беломорскому побережью, сохранившиеся и после отчуждения монастырских вотчин в пользу государства в 1764 г. (Melekhova, 2007)

Важное место в ряду работ по данной теме занимают труды, посвященные региональной монастырской истории. В большинстве дореволюционных работ аспект хозяйствования обителей на близлежащих территориях излагался описательно (Dosifej (Nemchinov), 1836; Makarij (Miroľjubov), 1882; Legatov, 1908). В современной региональной историографии освещение данного вопроса также носит фрагментарный характер (Abramovskij, Shalĵapin, 2001; Abramovskij, 2003; Popova, 2006; Bogdanova, 2017).

Историографический анализ изучаемого вопроса показывает, что, хотя научная пробле-

ма и поставлена, особенности экономических взаимоотношений беломорских монастырей и крестьянского мира на рубеже XIX–XX в. освещены недостаточно.

Методологической основой исследования является историко-антропологическая концепция. Ее проблемное поле соответствует цели статьи: показать процесс взаимодействия беломорских монастырей и крестьянского мира на рубеже XIX–XX столетий для выяснения положительного обоюдного влияния и проблем, возникавших в ходе двусторонней деятельности. Для проведения исследования также использовались методы критического и сравнительного анализа источников и источниковедческого синтеза.

Основные сведения по изучаемой проблеме можно извлечь из документов, хранящихся в Российском государственном архиве древних актов, Государственном архиве Архангельской области и научном архиве ФГБУК «Соловецкий государственный историко-архитектурный и природный музей-заповедник». Использованные материалы представляют собой делопроизводственную, хозяйственную, распорядительную документацию, а также устные исторические источники, отраженные в дневниках экспедиций сотрудников Соловецкого государственного историко-архитектурного и природного музея-заповедника.

Беломорские монастыри являлись религиозными, культурными и экономическими центрами региона. С одной стороны, обители служили для местных жителей «местом нравственного отдыха от ежедневной действительности», давали поморам возможность «подняться над обычными житейскими буднями» (Vogoslovskij, 1908: 291). С другой стороны, монастыри содержали промыслы, управляли землями, занимались экономическими вопросами, тесно взаимодействуя при этом с крестьянским социумом.

Беломорские обители строили отношения с местными жителями на основе взаимной выгоды. Так, поморы, арендовавшие монастырские рыбные тони и земельные участки, получали право неограниченного пользования в определенный промежуток времени, а обители —

денежную компенсацию и натуральную оплату.

В документах рубежа XIX–XX столетий, хранящихся в фондах 29 (Архангельская духовная консистория), 60 (Спасо-Преображенский Пертоминский мужской монастырь), 174 (Монастыри и соборы Архангельской и Вологодской епархий) и 191 (Николаевский Корельский трехклассный монастырь) Государственного архива Архангельской области, отражена хозяйственно-юридическая документация, регламентирующая права и обязанности аренды местными крестьянами монастырских угодий.

Пертоминский монастырь владел шестью семужьими тонями в горле Белого моря. По «условиям», датированным 1870–1890-ми гг., крестьянам-арендаторам передавались права пользования на места ловли семги сроком на три года с фиксированной ежегодной платой и компенсацией монастырю в размере трети улова (GAAO. F. 60. Op. 4. D. 5. L. 4–10).

Николо-Корельский монастырь в 1900 г. сдал в аренду крестьянам нескольких волостей Архангельского уезда Архангельской губернии двенадцать рыбных угодий в Корельском устье Белого моря сроком на шесть лет (GAAO. F. 191. Op. 4. D. 203. L. 11–12). Сдавал Николо-Корельский монастырь в аренду и участки сенокосной земли рядом с обителью и на близлежащих беломорских островах (GAAO. F. 29. Op. 1. T. 1. D. 942. L. 3–11).

Почти все пахотные и сенокосные угодья Онежского Крестного монастыря находились на материке вдали от обители. По этой причине земли сдавались в аренду местным крестьянам по участкам (GAAO. F. 29. Op. 5. T. 1. D. 1829. L. 3–10). В 1893 г. монастырь сдавал пахотные земли в приходах Онежского уезда Архангельской губернии, а также тоню в устье реки Онеги в аренду, получая компенсацию в размере $\frac{1}{4}$ улова (GAAO. F. 174. Op. 1. D. 7. L. 6).

Монастыри пользовались для обслуживания своих тоней услугами крестьян, назначаемых из жителей местных деревень по распоряжению гражданского начальства и избираемых своими поселениями. Штатные служители, в течение своей работы, отдавали государственную повинность натурой, получая ежемесячное жалование (GAAO. F. 29. Op. 4. T. 2. D. 2055. L. 8).

Качественное отличие отдельных морских участков нередко было причиной споров по поводу владений между местными жителями и монастырями. Долгое время такая тяжба, начавшаяся в 1880 г., длилась между поморами Летнего берега Белого моря и несколькими монастырями. По причине невозможности для обителей юридически доказать право собственности на определенные морские участки, крестьяне вели лов с монастырских тоней, не поставив обители в известность. Главный аргумент поморов состоял в том, что монастырские участки находились в черте деревень, а крестьянские тони «отстояли более, чем на сто верст» и «были открыты для серных и северо-западных ветров, действующих весьма неблагоприятно на рыбный промысел» (GAAO. F. 29. Op. 4. T. 2. D. 2055. L. 12). Недовольны поморы были и тем, что монастыри часто сдавали тони в аренду купцам, которые искали субарендаторов среди местных жителей за более высокую арендную плату (GAAO. F. 29. Op. 4. T. 2. D. 2055. L. 10). Такой способ пользования рыбными ловлями не нравился местным жителям, но считался гражданским и церковным начальством наиболее выгодным для самих крестьян. По мнению властей, поморы нуждались «в стороннем пособии при устройстве лодок, снастей и при закупке хлеба». Деньги на это они могли получить только от арендатора и «почти всегда вперед», что должно было удовлетворить обоюдные интересы (GAAO. F. 29. Op. 4. T. 2. D. 2055. L. 14).

Экономические взаимовыгодные отношения беломорских обителей и местных крестьянских общин основывались и на распространенном на рубеже XIX–XX столетий среди поморов отхожем промысле. Документы фонда 1201 (Соловецкий мужской монастырь, Соловецкий остров Белого моря Архангельского уезда и губернии) Российского государственного архива древних актов и дневники экспедиций 1970–1980 гг. сотрудников Соловецкого государственного историко-архитектурного и природного музея-заповедника дают представление о том, что наиболее частым местом отхожего промысла для крестьян берегов Белого моря служили близлежащие монастыри. Поморы

нанимались работать на соловецкие семужьи тони и промысел нерпы и белухи (RGADA. F. 1201. Op. 4. D. 787. L. 36–92; RGADA. F. 1201. Op. 5. D. 5554. L. 52–74). Соловецкие и пертоминские монахи ставились старшими – «старостами», над группой местных крестьян, работавших на монастырских рыбных тонях (Nauchnyj arhiv FGBUK «Soloveckij gosudarstvennyj istoriko-arhitekturnyj i prirodnyj muzej-zapovednik. F. 2. Op. 1. D. 156. L. 54).

На работу в летние месяцы в Соловецкий монастырь приезжало почти все мужское население ближних деревень. Большое количество желавших поработать инспектировали эконом монастыря и иноки, ответственные за ремесленные производства обители. Нанимали только тех, кто в предыдущие годы не был замечен в нарушении внутримонастырской дисциплины. Сезонные работники трудились на Соловках с апреля по октябрь (Nauchnyj arhiv FGBUK «Soloveckij gosudarstvennyj istoriko-arhitekturnyj i prirodnyj muzej-zapovednik. F. 2. Op. 1. D. 125. L. 103).

«Из усердия» жители окрестных деревень нанимались на краткосрочные летние сезонные работы и в Пертоминский монастырь. Работали по два-три дня – «жали, косили, грабили сено» (Nauchnyj arhiv FGBUK «Soloveckij gosudarstvennyj istoriko-arhitekturnyj i prirodnyj muzej-zapovednik. F. 2. Op. 1. D. 167. L. 8).

Популярной была работа на монастырских судах. Соловецкий монастырь имел сухой док в бухте Благополучия, рыболовецкие суда и три парохода – «Вера», «Надежда» и «Любовь». Нанятые местные жители трудились матросами, кочегарами, механиками. Заработная плата индексировалась в зависимости от количества лет, проработанных на монастырь: в первый год работник получал пять рублей, в каждый последующий год – на рубль больше (Nauchnyj arhiv FGBUK «Soloveckij gosudarstvennyj istoriko-arhitekturnyj i prirodnyj muzej-zapovednik. F. 2. Op. 1. D. 125. L. 103).

В Соловецком монастыре по году работали крестьяне из Варзуги и Умбы, за их работу монастырь платил крестьянским общинам хлеб. Нанимали монастыри и бригады плотников из числа местных жителей, которые за работу получали продукты – масло и муку (Vedernikova,

Nikitina, 2014: 25).

Соловецкий монастырь принимал и обеспечивал мальчиков-«годовиков», которых родители отсылали потрудиться в обитель во исполнения обетов. Местные жители отдавали «по обету» в монастырь детей в подростковом возрасте сроком на год. Монастырь за свой счет обучал детей грамоте и ремеслу. Среди жителей близлежащих с Соловецким монастырем деревень было много тех, кто в детстве и юности получил в обители те или иные трудовые навыки (Nauchnyj arhiv FGBUK «Soloveckij gosudarstvennyj istoriko-arhitekturnyj i prirodnyj muzej-zapovednik. F. 2. Op. 1. D. 156. L. 37). Работали «по обету» в монастырях и взрослые. В конце XIX в. число взрослых «обетников» на Соловках составляло от шестисот до тысячи человек (Soshina, 1993: 3).

Беломорские монастыри способствовали развитию местных промыслов. В дневниках экспедиций 1970–1980 гг. сотрудников Соловецкого государственного историко-архитектурного и природного музея-заповедника сохранились воспоминания жителей деревень побережья Белого моря о выполнении монастырских заданий.

Одним из промыслов, получивших развитие в связи с монастырскими заказами, было прядение льна и конопля для изготовления полотна. Вдовы погибших поморов в зимние месяцы шили для иноков из этого полотна «порты и рубахи», за что получали от монастырей в качестве оплаты хлеб и продукты (Nauchnyj arhiv FGBUK «Soloveckij gosudarstvennyj istoriko-arhitekturnyj i prirodnyj muzej-zapovednik. F. 2. Op. 1. D. 179. L. 3). Весной готовую продукцию отвозили в обители (Nauchnyj arhiv FGBUK «Soloveckij gosudarstvennyj istoriko-arhitekturnyj i prirodnyj muzej-zapovednik. F. 2. Op. 1. D. 156. L. 45). Излишки полотна монастыри продавали паломникам.

Спрос монастырей на беломорский жемчуг поддерживал местный жемчужный промысел – добычу речного жемчуга и использование его для украшения церковных и священнических облачений (Герр, 1983: 66).

Во второй половине XIX в. беломорские монастыри были крупными производственными

центрами, сырье для которых поставляли жители поморских деревень. Лес везли с Онежского берега Белого моря, сырье для изготовления гончарных изделий доставляли с Поморского берега (Vedernikova, Nikitina, 2014: 26).

Экономическому взаимоотношению беломорских монастырей и местных крестьян способствовало паломничество. Пользовавшаяся спросом доставка богомольцев в обители породила в исследуемый период потребность в извозе. Перевозкой богомольцев на судах-карбасах собственной постройки занимались опытные поморы-мореходы ближних к Соловецкому и Пертоминскому монастырям деревень (Nauchnyj arhiv FGBUK «Soloveckij gosudarstvennyj istoriko-arhitekturnyj i prirodnyj muzej-zapovednik. F. 2. Op. 1. D. 159. L. 66).

Для удобства доставки паломников островные и прибрежные обители развивали инфраструктуру. В фонде 60 (Спасо-Преображенский Пертоминский мужской монастырь) Государственного архива Архангельской области содержатся материалы о строительстве в 1897 г. пристани в Унской губе Белого моря. Пристань, построенная на защищенном от морских штормов месте, решала сразу несколько задач — упрощала доставку богомольцев в Пертоминский и Соловецкий монастыри и, в отсутствии сухопутного сообщения с Архангельском, открывала удобный паромный путь для местного населения, желающего добраться до губернского центра (GAAO. F. 60. Op. 4. D. 19. L. 1–2).

Среди архивных документов Пертоминского монастыря содержатся интересные материалы, освещающие вклад обители в обеспечение безопасного мореплавания в сложной для навигации части беломорской акватории — горле Белого моря. Так, в 1906 г. при строительстве новой монастырской гостиницы в башне здания, высотой примерно 39 метров, было запланировано устройство маяка (GAAO. F. 60. Op. 4. D. 21. L. 1). Гостиничную башню монастырь предлагал использовать также для астрономических и метеорологических наблюдений.

Взаимоотношения беломорских монастырей и местных жителей в исследуемый период проявлялись и в организации предприятий, экономически полезных для всех участников.

В фонде 29 (Архангельская духовная консистория) Государственного архива Архангельской области находятся документы об инициативах Спасо-Преображенского Пертоминского монастыря в конце XIX — начале XX столетия. В 1894 г. в приморской деревне в двенадцати верстах от обители по ходатайству монахов было открыто почтовое отделение, активизировавшее коммуникацию центра губернии с удаленными беломорскими местностями (GAAO. F. 29. Op. 2. T. 6. D. 17. L. 1). В 1911 г. Пертоминская обитель ходатайствовала о строительстве на своей территории мелочной лавки для продажи продовольственных и промышленных товаров первой необходимости. Работа лавки не только способствовала экономической прибыли обители, но и обеспечивала крестьян соседних с монастырем волостей — Яреньгской и Сюземской, «доброкачественными продуктами по умеренным ценам» (GAAO. F. 29. Op. 2. T. 6. D. 898. L. 1–5).

Таким образом, приведенный корпус архивных документов свидетельствует об активных хозяйственных взаимоотношениях беломорских монастырей и крестьянского мира на рубеже XIX–XX в.

Двусторонние экономические инициативы имели положительное обоюдное влияние. Обители предоставляли местным жителям возможность использовать монастырскую собственность — рыбные тони и сенокосные поля, для ведения частной хозяйственной деятельности, получая при этом выгоду в виде денежной компенсации и натуральной оплаты частью дохода.

Среди поморов в исследуемый период приобрели популярность различные виды «работы на монастырь» — сезонная сельскохозяйственная деятельность, труд в ремесленных мастерских, обеспечение рабочей силой монастырского флота.

Совместные хозяйственные инициативы монастырей и крестьянского социума были полезны местному населению и одновременно способствовали разрешению некоторых вопросов социального-экономического характера. В исследуемый период, благодаря запросам монастырей, население беломорских побережий

развивало прядильный, жемчужный, извозный промыслы. Безопасная перевозка богомольцев наряду со строительством монастырями маяков для обеспечения безопасного мореплавания в сложных для навигации частях беломорской акватории, а также открытие почтовых отделений и мест продажи предметов первой необходимости содействовали развитию региональной инфраструктуры.

Особой формой экономического взаимодействия обитателей и крестьянского социума служило паломничество. Прием и размещение богомольцев не только способствовало разви-

тию местных промыслов и увеличивало монастырский доход, но и укрепляло духовные связи обитателей с крестьянским миром, что способствовало поддержанию авторитета монастырей в исследуемый период.

Итогом совместной деятельности становилось создание эффективно работавших структур с квалифицированными кадрами, которые играли роль социального стабилизатора и служили объединяющим компонентом экономических усилий Церкви в лице беломорских монастырей и государства в лице крестьянского «мира».

References

1. Abramovskij, V.N. Vremja ispytaniy: obitel' u Belogo morja v XIX veke [Time of trials: the Monastery near the White Sea in the XIX century] // Duhovnaja pristan' pomorov [Spiritual pier of the Pomors]. Severodvinsk, 2003. pp. 186–199. [in Russian].
2. Abramovskij, V.N., Shaljapin, S.O. Izuchenie istorii Nikol'skogo Korel'skogo monastyrja v konce XVIII — nachale XX vv.: istochniki, issledovateli, jekspedicii [Studying the history of the Nikolsky Korelsky Monastery in the late XVIII — early XX centuries: sources, researchers, expeditions]. Arhangel'sk, 2001, 46 p. [in Russian].
3. Bogdanova, A.V. Soloveckij monastyr' v Ekaterininskuju jepohu. Iz istorii sekuljarizacionnoj reformy 1764 goda [Solovetsky Monastery in the Catherine epoch. From the history of the secularization reform of 1764]. Moscow, 2017, 320 p. [in Russian].
4. Bogoslovskij, M.M. Severnyj monastyr' v XVII-m veke [The Northern Monastery in the XVII century] // Vestnik Evropy [Bulletin of Europe]. 1908, 11, pp. 278–306. [in Russian].
5. Dosifej (Nemchinov), arhimandrit. Geograficheskoe, istoricheskoe i statisticheskoe opisanie pervoklassnogo stavropigial'nogo Soloveckogo monastyrja [Geographical, historical and statistical description of the first-class Stavropol Solovetsky Monastery.]. Sankt-Peterburg, 1836, 446 p. [in Russian].
6. Gemp, K.P. Skaz o Belomor'e [The Tale of the White Sea]. Arhangel'sk, 1983, 239 p. [in Russian].
7. Gosudarstvennyj arhiv Arhangel'skoj Oblasti [State Archive of the Arkhangelsk Region] (GAAO). F. 29. Op. 1. T. 1. D. 942. [in Russian].
8. GAAO. F. 29. Op. 2. T. 6. D. 17. [in Russian].
9. GAAO. F. 29. Op. 2. T. 6. D. 898. [in Russian].
10. GAAO. F. 29. Op. 4. T. 2. D. 2055. [in Russian].
11. GAAO. F. 29. Op. 5. T. 1. D. 1829. [in Russian].
12. GAAO. F. 60. Op. 4. D. 5. [in Russian].
13. GAAO. F. 60. Op. 4. D. 19. [in Russian].
14. GAAO. F. 60. Op. 4. D. 21. [in Russian].
15. GAAO. F. 174. Op. 1. D.7. [in Russian].
16. GAAO. F. 191. Op. 4. D. 203. [in Russian].
17. Istoricheskoe opisanie Krestnogo vtoroklassnogo monastyrja Onezhskogo uezda Arhangel'skoj gubernii [Historical description of the second-class monastery of the Cross of the Onega district of the Arkhangelsk province] // Arhangel'skie eparhial'nye vedomosti [Arkhangelsk Diocesan Gazette]. 1890, 8, pp. 105–124. [in Russian].

18. Kljuchevskij, V.O. Hozhajstvennaja dejatel'nost' Soloveckogo monastyrja v belomorskom krae [Economic activity of the Solovetsky Monastery in the White Sea Region. The first collection of articles] // Opyty i issledovanija. Pervyj sbornik statej [Experiments and research. The first collection of articles]. Petrograd, 1919. pp. 1–31. [in Russian].
19. Legatov, I. Pertominskij monastyr' v Arhangel'skoj eparhii [Pertominsky Monastery in the Arkhangel'sk diocese] // Arhangel'skie eparhial'nye vedomosti [Arkhangel'sk Diocesan Gazette]. 1908, 8, pp. 248–254. [in Russian].
20. Makarij (Miroljubov). Istoriko-statisticheskoe opisanie Pertominskogo muzhskogo monastyrja [Historical and statistical description of the Pertominsky Monastery]. Moscow, 1882, 20 p. [in Russian].
21. Melehova, G.N. Monastyri v tradicionnoj narodnoj kul'ture Russkogo Severa [Monasteries in the traditional folk culture of the Russian North] // Vozrozhdenie pravoslavnyh monastyrej i budushhee Rossii. Materialy Tret'ej vserossijskoj nauchno-bogoslovskoj konferencii «Nasledie prp. Serafima Sarovskogo i sud'by Rossii» [The Revival of Orthodox Monasteries and the Future of Russia. Materials of the Third All-Russian Scientific and Theological Conference «The Heritage of the Holy Father Seraphim of Sarov and the Fate of Russia»]. Nizhnij Novgorod, 2007. pp. 291–321. [in Russian].
22. Nauchnyj arhiv FGBUK «Soloveckij gosudarstvennyj istoriko-arhitekturnyj i prirodnyj muzej-zapovednik [Scientific Archive of the Solovetsky State Historical, Architectural and Natural Museum-Reserve]. F. 2. Op. 1. D. 125. [in Russian].
23. Nauchnyj arhiv FGBUK «Soloveckij gosudarstvennyj istoriko-arhitekturnyj i prirodnyj muzej-zapovednik [Scientific Archive of the Solovetsky State Historical, Architectural and Natural Museum-Reserve]. F. 2. Op. 1. D. 156. [in Russian].
24. Nauchnyj arhiv FGBUK «Soloveckij gosudarstvennyj istoriko-arhitekturnyj i prirodnyj muzej-zapovednik [Scientific Archive of the Solovetsky State Historical, Architectural and Natural Museum-Reserve]. F. 2. Op. 1. D. 159. [in Russian].
25. Nauchnyj arhiv FGBUK «Soloveckij gosudarstvennyj istoriko-arhitekturnyj i prirodnyj muzej-zapovednik [Scientific Archive of the Solovetsky State Historical, Architectural and Natural Museum-Reserve]. F. 2. Op. 1. D. 167. [in Russian].
26. Nauchnyj arhiv FGBUK «Soloveckij gosudarstvennyj istoriko-arhitekturnyj i prirodnyj muzej-zapovednik [Scientific Archive of the Solovetsky State Historical, Architectural and Natural Museum-Reserve]. F. 2. Op. 1. D. 179. [in Russian].
27. Popova, L.D. K istorii Pertominskogo monastyrja [To the history of the Pertominsky monastery] // Istorija Otechestva. Svjatye i svjatyni Russkogo Severa [History of the Fatherland. Saints and shrines of the Russian North]. Arhangel'sk, 2006, pp. 118–124. [in Russian].
28. Rossijskom gosudarstvennom arhive drevnih aktov [Russian State Archive of Ancient Acts] (RGADA). F. 1201. Op. 4. D. 787. [in Russian].
29. RGADA. F. 1201. Op. 5. D. 5554. [in Russian].
30. Savich, A.A. Monastyrskoe zemlevladienie na Russkom Severe XVI–XVII vv. [Monastic land ownership in the Russian North of the XVI–XVII centuries] // Uchenye zapiski Permskogo gosudarstvennogo universiteta. Otdelenie obshhestvennyh nauk [Scientific Notes of the Perm State University. Department of Social Sciences]. 1931, 2. pp. 191–229. [in Russian].
31. Soshina, A.A. Soloveckoe bogomol'e [Solovetsky Pilgrimage] // Soloveckij vestnik [Solovetsky Vestnik]. 1993, 14 (79), pp. 3–7. [in Russian].
32. Vedernikova, N.M., Nikitina, S.E. Solovki v pamjati pomorov (po materialam jekspeditsij v Pomor'e) [Solovki in the memory of the Pomors (based on the materials of expeditions to Pomorie)]. M., 2014, 320 p. [in Russian].
33. Zyrjanov, P.N. Russkie monastyri i monashestvo v XIX i nachale XX veka [Russian monasteries and monasticism in the XIX and early XX centuries]. Moscow, 2002, 230 p. [in Russian].

Правильная ссылка на статью

Харитонов Я.Э. Документальные свидетельства по истории экономических взаимоотношений беломорских монастырей и крестьянского мира на рубеже XIX–XX в. // Северные архивы и экспедиции. – 2021. – Т. 5. – No 2. – С. 150–158. DOI:10.31806/2542-1158-2021-5-2-150-158.